

Трансграничный проект, в котором участвуют Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан, уникален для Центральной Азии. Это первый случай, когда сплотили страны не спортивный азарт и не экономический интерес, а надежда сберечь живую природу. Финансирует "Сохранение биоразнообразия Западного Тянь-Шаня" Всемирный банк. Но предварительно проект одобрили эксперты Глобального экологического фонда. Теперь надо досконально изучить ситуацию в четырех заповедниках — узбекском Чаткальском, кыргызских Сары-Челеке и Беш-Арале, казахстанском Аксу-Джабаглы — и вокруг них и принять меры.

От бабочек до слонов

Слоны в Тянь-Шане не водятся, но ученые их вспоминают, говоря о необходимости оценки всей живности, что есть в тяньшанской горной цепи. По каким критериям? Всемирный союз охраны дикой природы разработал двенадцать критериев по оценке видов для внесения в Красную книгу. С их помощью оценивают и слонов, и насекомых. У этой системы хватает изъянов. И центральноазиатские ученые критикуют ее так же, как и многие другие. Но так же, как и многие другие, признают, что эти критерии — подспорье. Летом 2001 года зоологи и ботаники региона решили использовать их при оценке фауны высших позвоночных — а это, помимо больших животных вроде медведя, все другие млекопитающие, рептилии, птицы.

Не было критериев, не было толком и мониторинга за ними. И что оказалось, когда занялись тяньшанским проектом: восемьдесят процентов птиц никак не идентифицируются. В Узбекистане учтены 420 видов птиц, но современных данных о них нет. Сколько их на самом деле, никто не знает. Буквально на глазах размножились и расселились сороки, вороны, майны. И совсем незаметны стали буланные совки, райские мухоловки, дубонос юма. Может быть, исчезли совсем…

Определить степень уязвимости видов, сообществ в заповедниках предстоит на следующем этапе проекта. Использоваться будут те самые двенадцать критериев. Но и до начала системного мониторинга ученые говорят об уязвимости ценных видов, ведь многие из них остались вне заповедников. Среди них — казахстанский подвид сурка Мензбира, большая часть архара, да и редчайшая красная пищуха, похожая на зайчонка, что обитает в долине Пскема на неохраняемых территориях.

В Чаткальском заповеднике охраняются не более 45 процентов птиц, а остальные редкие птицы вне его. И у соседей примерно так. Правда, у соседей охраняется пустынная фауна, а в Узбекистане нет настоящих пустынных заповедников. Одно время казахи, туркмены и узбеки хотели создать по такому — каждый на своем участке Устюрта. Соседи создали, а мы до сих пор нет. Когда-нибудь по единым критериям будет исследован и Устюрт, пока же — горы и долы Западного Тянь-Шаня.

Аксу-Джабаглы: примеры и антипримеры

Он в регионе самый старейший. Создан в 1926 году. Тогда его площадь была всего 30 тысяч гектаров. Затем мало-помалу к нему присоединяли примыкающие ущелья, палеонтологические скальные участки, горные хребты, каньон реки Аксу. А последняя прирезка — 1995 года. Общая площадь заповедника достигла 85,7 тысячи, и находится он на землях двух областей — Чимкентской и Джамбулской. Это пример.

Территории вполне достаточно, чтобы здесь сохранялись и воспроизводились горный козел, бурый медведь, кабан и даже снежный барс. Но ее недостаточно, чтобы сберечь заповедную микропопуляцию архара.

Ему ведь нет дела до человеческих условностей, вроде “здесь ходи, а туда — нельзя”. Он сотни лет откочевывал на зимовку через равнину на невысокий хребет Каратау. В последние годы тут поджидал человек с ружьем. Отстрелял настолько, что немногим выжившим архарам теперь хватает зимних пастбищ в заповеднике. Но продолжают мигрировать за его пределы косули и кабаны — уходят на северные склоны Угамского хребта. И там в них стреляют.

Наступает человек. И на растения тоже. Три десятка видов редких, реликтовых и эндемичных видов произрастают в окрестностях, но не в самом Аксу-Джабаглы. Что предлагают ученые? Увеличить основную площадь до 126 тысяч гектаров, а еще создать три филиала.

Филиалы или мини-заказники предлагают создать и узбекистанцы. Скажем, на Ангренском плато. Находится в верховьях реки Ангрен. Протяженность его — 60 километров, а в ширину местами достигает 15-20 километров. Своим происхождением оно обязано раннему четвертичному периоду. С той поры и сохранился сурок Мензбира в древних степях на высоте три тысячи метров над уровнем моря. Но с развитием овцеводства флора и фауна на плато деградируют. За последние десятилетия исчезли десятки эндемичных видов животных и растений. А сурок Мензбира как исчезающий вид занесен в Красную книгу Узбекистана.

Откуда эта информация, если ученые постоянно сетуют на слабую изученность биоты? Она досталась в наследство от медиков и зоологов, обследовавших территорию Узбекистана в поисках очагов чумы. Они изучали не только мелких животных, но и птиц, клещей. Там, на Ангренском плато, каждый второй выявленный паразитический клещ оказался не известным науке. Открытием стало несколько новых видов бескрылых кузнечиков. Вот в таких местах, как Ангренское плато или массив дальверзинских песков на правом берегу Сырдарьи, где очень древняя фауна грызунов, специалисты и предлагают создавать локальные заказники.

Когда в дискуссию с ними вступают хозяйственники, то каждый раз допытываются о практической пользе от сохранения того или иного вида: ”Ну и что, что из-за распашки вымер подвид большой песчанки в дальверзинских песках? Что изменилось от того, что при распашке Шерабадской степи полностью уничтожен тушканчик-тарбаганчик?” Ученые отвечают: “В природе все взаимосвязано. Каждый вид имеет право на существование”.

Юрта из снежного барса

Мнение ученых многим кажется малоубедительным, может, потому, что плохо объясняют природные связи. Ну подумаешь, не стало вчера подвида большой песчанки, завтра изведем последнего архара, а послезавтра — снежного барса. Зато гуляем, ребята.

Точно, гуляем. Тысячелетие эпоса Манас в 1995 году отмечалось широко, с участием большого круга гостей из стран региона. Праздничные юрты украсили около двухсот шкур снежного барса. Смотрелось богато… В восьмидесятых годах XX века в регионе насчитывалось до 1700 особей снежного барса. После распада Союза началось уничтожение зверя. Невыплата в сельской местности зарплаты, развитие “черного рынка”, рост спроса на сырье для китайской медицины стимулировали браконьерские охоты как на снежного барса, так и на виды, которыми он кормится, — архара, козла, сурка.

В Кыргызстане снежных барсов в основном отлавливают капканами. И осталось их к 2000 году из девятисот особей примерно двести. В Узбекистане и Казахстане капканы применяют реже и реже

стреляют, но тут снижение численности происходит из-за уменьшения кормовой базы. В Аксу-Джабаглинском и Чаткальском заповедниках численность копытных сократилась в 5-8 раз.

Удастся сохранить снежного барса? Ученые считают, что шанс есть. В Кыргызстане они провели исследования в валютных охотхозяйствах, в президентском охотничьем заказнике, в угодьях, контролируемых золотопромышленной канадской компанией… Против открытия этой компании в кыргызских горах немало протестовали природоохранные организации: опасались браконьерства в создаваемом по соседству заповеднике “Сарычат-Эрташ”. В ответ компания запретила не только использование, но и ношение какого-либо оружия в районе работ, а еще запретила пребывание посторонних. Так у заповедника появилась гигантская — в 500 квадратных километров — буферная зона, где никакого браконьерства. Зарплата рабочих в 200-300 долларов отбивает интерес к нелегальной охоте, то же и в валютных охотхозяйствах. Живет здесь барс и размножается.

Тем временем егеря — бывшие колхозники, получая зарплату в 6-8 долларов в месяц, за три года полностью истребили его в новом заповеднике. Что делать? Заинтересовать природопользователя в увеличении численности диких животных. А в тех случаях, когда это необходимо, заинтересовать в обратном.

Кому мешает норка

Когда ученые говорят о праве каждого вида на существование, они обязательно добавляют: “В пределах своего естественного ареала”. Уж больно тяжким оказался опыт внедрения в природную среду чужих видов, будь то рыба, птица, большое животное или насекомое. Не будем говорить про колорадского жука, он и так всех достал, скажем о таком чудном зверьке, как американская норка. В сороковые годы ее пытались вселить в Сарычелекский заповедник. Непривычная к здешней рыбе, норка перетравилась маринкиной икрой.

Ее не собирались интродуцировать, то есть внедрять в узбекистанскую биоту. Но хозяйственники создали пару зверосовхозов под Газалкентом и Ангреном. А адаптированный к местной пище зверек стал потихоньку оттуда утекать и расселяться в горах. Затем случился массовый уход. И норка стала для окружающей среды сущим бедствием, пережевывая на берегах речек все, что по зубам. Так практически уничтожила два вида оляпок, гнездящихся у воды.

Одно время считалось, что заповедники должны быть центрами расселения. И в том же Сарычелекском заповеднике провели эксперимент с зубрами. Завезли, они съели лес и сдохли. Были еще попытки вселить в наши заповедники европейскую лань, сибирского марала. Сохранились отдельные особи, ну не климат им здесь!

Когда мировое сообщество осознало, что природе лучше жить по своим законам, то приняло Конвенцию о сохранении биоразнообразия. А в нее вошла статья с обязательством не вселять виды животных из чужих ареалов. Страны Центральноазиатского региона конвенцию подписали. Теперь, очевидно, “чужаки” не появятся, но что делать с уже имеющимися?

В Чарвакское водохранилище был заселен пяток очень ценных рыб — сиги, форель, лососи… Но вместе с ними в Чарвак попало и больше десятка малоценных. Прекрасно акклиматизировавшись, они поднимаются вверх по саям, выживая старожилов.

А вот как было с расселением майны, этой крысы в перьях, как ее именуют знающие люди. Впервые в регионе появилась в Термезе в 1912 году. Уж как ей радовались орнитологи — новый вид! И помогли расселиться. Отловив тысячи три, в шестидесятые-семидесятые годы завезли в Ташкент, Бишкек, Алматы. Сейчас майна захватила уже и Кызылкумы, освоила Приаралье. В Россию ее

возили как клеточную птицу, так теперь и там громадные дикие колонии майн в Москве, Томске, Екатеринбурге…

Птицы, куда вы летите?

Зимой над Ташкентом кружат черные стаи. Точного учета нет, но, по прикидкам орнитологов, тут концентрируется миллиона три ворон, грачей, галок. В Ботаническом саду ночуют десятки тысяч, в сквере в центре города — тысячи две-три. Есть методики, как их считать. Надо составить карты мест ночевок врановых, выборочно определить сколько, где и какие.

Хозяйственники, считающие копейку, опять спросят: “А зачем?” А затем, чтобы потом себе дороже не стало. Думают, что главный ущерб от ворон, грачей и галок по их возвращении в Сибирь — там разоряют утиные и гусиные гнезда. Но “на зимовках они резко ухудшают санитарную обстановку!” Об этом шла речь на ряде международных конференций, посвященных врановым. Днем врановые паразитируют на загородных свалках, а вернувшись на места ночевок, через кишечник избавляются от возбудителей инфекций. Очень часто это происходит у арыков, водоемов, да и земля впитывает.

Подсчет птиц в городах проектом Всемирного банка по сохранению биоразнообразия не предусмотрен из расчета, что горожане сами озаботятся. В Ташкенте исчезли райская мухоловка, зеленушка, буланный вьюрок, соловей. Еще сопротивляются натиску “чужаков” крупные черный дрозд, иволга и длиннохвостый сорокопут. По старым данным, в мегаполисе — свыше двухсот видов птиц. Но нет свежей информации — не видно проблемы.

А вот где собирается о пернатых самая точная и свежая информация. Рядом с заповедником Аксу-Джабаглы есть уникальное для всей Центральной Азии место. Справа — один хребет, слева — другой, а между ними узкий перевал Чокпак, облюбованный пернатыми для своих осенне-весенних миграций. Люди облюбовали этот коридор для их изучения. Несмотря на финансовые трудности, здесь, в Центре мечения животных, как и тридцать-сорок лет назад, занимаются кольцеванием. Всего в бывшем Союзе таких центров было два, еще один — в Прибалтике. И в мире их — по пальцам пересчитать. Благо, что казахстанский сохранился.

В ловушки во время перелетов за день попадают до десяти тысяч птиц, до ста тысяч в сезон. Ловушки — высотой до тридцати метров, ширина их раза в два больше. Вот в эти широкие ворота и залетают. Потом “ворота” сужаются, заканчиваясь стеклянными ящиками. Птиц кольцуют, многие из них потом снова попадают в ловушку. И не раз. Одна пичуга — индийский воробей — залетала сюда четыре года подряд в один и тот же день. Для орнитологов это ценная информация. Возвраты колец идут со всего мира и тоже о многом говорят.

Трудный счет

Если одни виды вытесняют другие, то надо регулировать их численность. Это касается и майн, и ворон, и даже аистов, популяция которых выросла. В нашем регионе они размножаются, и большинство при деле. А в Индии, на зимовке, аисты огромной массой наваливаются на рыбоводческие пруды, опустошая их. Так же прожорлив красноклювый ткачик: собираясь в миллионные стаи, он вычищает поля, как саранча.

Особая статья — воробьи. В Узбекистане они водятся восьми видов. Есть очень редкие: саксаульный, снежный. Снежный, кстати, обитает на высоте за две тысячи метров. Есть пролетающий над Узбекистаном испанский. А вот еще отечественные: домовой, полевой, каменный… Ученые считают, что одних надо охранять, а численность других регулировать. Полевой воробей вреда и пользы приносит примерно половина на половину. В свое время в Китае решили его уничтожить. В ответ

насекомые и сорняки “оттянулись” и едва не подвели Китай к экологической катастрофе. Так бывает, когда занимаются регулированием непрофессионалы.

Кстати, в Узбекистане в Каршинской степи точно так же в конце восьмидесятых годов регулировал численность — только не птиц, а грызунов — обкомовский чиновник. Решил победить кожный лейшманиез, отдав приказ за три дня уничтожить больших песчанок. Почему так решил? Естественные очаги кожного лейшманиеза находятся в местах расселения большой песчанки. А тут в одном из совхозов заболело около двадцати человек. Партработник приехал разобраться, увидел в округе норы песчанок и скомандовал уничтожить. Правильно, как и вакцинация, это мера профилактики, но не в разгар сезона! Москиты — разносчики болезни — не найдя песчанок, бросились на людей. В итоге — больше двухсот зараженных.

Политики, занимаясь биоразнообразием, наломали дров. В начале шестидесятых Хрущев, внедряя в СССР кукурузу, синициировал разорение грачиных гнезд. В основном этим занимались дети. Ученые считают кампанию, когда секретарь ЦК поспособствовал формированию извращенного “экологического мышления” на громадных пространствах СССР, варварством. Действовать надо, но если не так, то как?

Регулируя, наблюдай

Чтобы сохранялось биоразнообразие, человек вынужден его защищать. Ученые Западного Тянь-Шаня, обсуждая свои шаги на перспективу, проанализировали чужой опыт. Что делали в Европе, когда выросла численность чаек? В их колониях собирали яйца, взбалтывали на центрифуге, а затем снова раскладывали по гнездам. Тем временем у чаек проходил срок, когда кладку можно повторить. Так отрегулировали размеры этой популяции. Опасаясь безудержного роста бродячих кошек, в Лондоне их подкармливали противозачаточной приманкой.

Когда в Скандинавии до опасных размеров расплодились волки, рыси и медведи, в стране организовали общественное обсуждение: “Что делать?” Газеты опубликовали более 15 тысяч заметок специалистов и просто читателей. В итоге договорились о территориях, где разрешить спортивную охоту, а где численность ограничить. А вот как поладили американцы с койотом. Драл овец только так. Зверя истребляли, но когда почти извели, поняли: “Надо беречь, но отучив от овец”. И отучили, подкладывая к норам со щенками баранину с рвотным веществом. Откушав два-три раза, койоты переключались на грызунов.

Индии помогли справиться с испанскими воробьями орнитологи Казахстана, кстати, те самые, что работают на ловушках на перевале Чокпак. Эта птица им хорошо знакома. С мая по сентябрь гнездится на казахстанских землях. Тысячные колонии испанского воробья подчистую выбирают посевы в радиусе до километра. Но не дальше, ведь привязаны к гнездам. Остальные семь месяцев в году они “бандитствуют” на полях Индии и Пакистана. Тут уж по полной программе. В общем, пришел момент, когда правительство Индии на официальном уровне обратилось с просьбой провести работу в местах гнездования. Провели. Было это несколько десятилетий назад, экстремальная ситуация потребовала применить отравленное зерно. Но сегодня регулировать численность майн, ворон, галок можно иначе: прикармливая стерилизующими препаратами.

Главное тут — не перестараться. Ученые хорошо знают слово “мониторинг”. Надо наблюдать! Но не только ученым. Их на всех птиц и зверей не хватит. Вот и настаивают на широком экологическом образовании и вовлечении широких масс в мониторинговые программы. Этот пункт включен в проект по Западному Тянь-Шаню.

Чужая среди чужих

Серая крыса не рассматривается как самостоятельный объект для мониторинга в рамках проекта по сохранению биоразнообразия. Но это то существо, в мониторинг за которым волей-неволей вовлеклось население Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана. Она активно захватывает чужие ареалы. И ученые готовы выглядеть “живодерами”, лишь бы остановить ее продвижение.

Она — не наша. Она — чужая. Из вредных животных, завезенных в Центральноазиатский регион, хуже всех. Она и раньше попадала в эти края, еще с караванами. Но не приживалась. А когда начали разводить в столицах белых крыс, когда они из лабораторий разными путями стали попадать в живую природу, процесс и пошел. Смешение завозных крыс и белых привело к образованию стойкой популяции. Сначала в Ташкенте, несколько позже популяции возникли в Алматы и Бишкеке. В Узбекистане за два-три десятка лет серые крысы захватили Ташкентский оазис, затем Голодную степь, перелом веков “ознаменовали” освоением почти всей Ферганской долины. Наступают и в другом направлении — на Самарканд, а тут выход в долины Зарафшана и Амударьи.

Они истребляют продукты, перегрызают трубы. Известны случаи, когда нападали на детей. Массовая волна сообщений о крысах в Фергане подтолкнула власти к разработке мер по борьбе с ними. Но реализовать трудно. Кто будет платить? В городе и вокруг полно бесхозных свалок. В Алматы раздали отравленную приманку в хозяйства больше чем на 20 миллионов теньге. Не удалась акция. Чтобы была успешной, нужен мониторинг за расселением, информация о концентрации, нужны не только отравленные приманки, ловушки длительного действия и другие орудия лова. Необходима одномоментная очистка больших пространств с ликвидацией свалок. Иначе, пусть и изрядно пострадав, грызуны за пару месяцев размножатся до прежней численности.

Когда ученые, говоря о проекте по сохранению биоразнообразия в Западном Тянь-Шане, акцентируют внимание на этих мигрантах, кочующих все дальше на север, они не “уходят от темы”. Крысы все ближе к природным очагам чумы. А уж если, подхватив, понесут ее своей громадной биомассой на юг… Лучше об этом не думать, а думать, как не допустить их в природные очаги чумы на Устюрте, в Кызылкумах, Гиссаре и Западном Тянь-Шане. Есть таковые, кстати, и на Ангренском плато. Если включить его в сеть особо охраняемых природных территорий, предусмотренных проектом, Всемирный банк профинансирует поддержку уязвимой и уникальной биологической среды. Создать бы сеть пошире!

Что финансирует Всемирный банк

Это вполне в духе проекта. Главная его цель сформулирована так: “оказание поддержки уязвимой и уникальной биологической среде в регионе Западного Тянь-Шаня и предоставление помощи трем странам в усилении и координации национальной политики…” Далее следует расшифровка, как этого достичь, прежде всего: “укрепить и расширить сеть особоохраняемых территорий в Западном Тянь-Шане”.

Идея принадлежит кыргызстанцам. Она показалась интересной Всемирному банку, и он пригласил к ее детальной разработке казахстанских и узбекистанских ученых. Вот так сообща и родился трансграничный проект стоимостью больше десятка миллионов долларов.

Что еще сказано о том, как достичь цели? «Провести исследования для лучшего определения мер по сохранению». Это понятно: чтобы сохранять, надо точно знать, что. Намечено «снизить нагрузку на охраняемые территории, а для этого выявить альтернативные и устойчивые виды деятельности». Они должны приносить доход местному населению, чтобы не выпасало в заповедниках скот, не вырубало арчу и тугайные леса, не браконьерничало. Громадное значение уделяется Всемирным

банком образованию и обучению. И в самом деле, если местные жители и приезжие туристы не поймут, зачем в заповедных землях биоразнообразие сохранять, то и не сохранить.

В тяньшанском проекте Всемирного банка отдельным пунктом предусмотрено участие общественности в сохранении биоразнообразия. И всячески предполагается поощрять ее инициативы — немалые суммы банк и поддерживающий его ТАСИС выделяют на малые гранты.

Кто отвечает за реализацию большого проекта и мини-проектов? По поручению правительств — исполняющие агентства. В Узбекистане это Госкомитет по охране природы, в Казахстане и Кыргызской Республике соответственно Министерство окружающей среды и природных ресурсов и Министерство охраны окружающей среды. Им это по профилю. Посмотрим, что делается в заповедниках и вокруг них.

Буферы и коридоры

Реализуются рабочие планы управления. При подготовке проекта они составлены для каждого заповедника. Полистаем “чаткальский”. В плане столько разделов и подразделов! Ясно, почему процесс от идеи до утверждения проекта по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня Всемирным банком растянулся на шесть лет. Надо было собрать много информации. Начнем с общей.

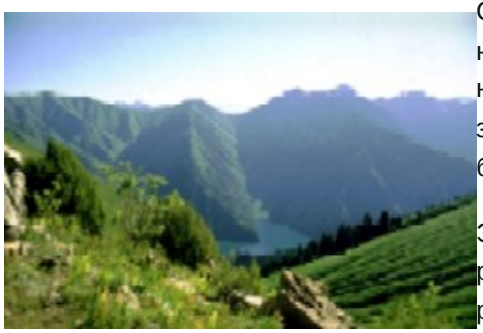
Чаткалький заповедник расположен в Угам-Чаткальском национальном парке к востоку от Ташкента и к северу от Ангрена. На востоке граничит с Кыргызской Республикой. Его рельеф, как и всей горной цепи, сформировался около десяти миллионов лет назад. Площадь трех участков — 45,7 тысячи гектаров, а это около десяти процентов площади Западного Тянь-Шаня. Из встречающихся в Западном Тянь-Шане 3500 видов высших растений (всего в Средней Азии известно 8800 видов высших растений) в его узбекской части известно 2200 видов.

Дальше можно пройтись по амфибиям, рептилиям, млекопитающим, беспозвоночным, ведь более половины всей фауны Западного Тянь-Шаня представлены в заповеднике. Но важнее отметить другое: худо с картами и фотоматериалами, нет детальной информации по климату, по геологии, по ландшафтам и экосистемам, почти никакая материально-техническая база. Все эти узкие места и “расшиваются” по ходу дела. Для начала закуплены три машины, тридцать лошадей, сто комплектов зимней и летней одежды для егерей, перекрыта крыша в здании заповедника, сделано паровое отопление.

Имея в виду создание в регионе единой экологической сети, специалисты приступили к научным исследованиям в буферной зоне, в “коридоре” к соседнему кыргызскому заповеднику. А еще изучают предложение: помимо локальных заказников создать новый заповедник в верховьях реки Пскем на территории Угам-Чаткальского национального парка. Цель — сохранить мало деградированные участки ореховых и тугайных лесов, да и всю редкую живность. Здесь обитают архар, красная пищуха, здесь сосредоточены наиболее значимые для Узбекистана популяции снежного барса и красного сурка. Здесь богато и полно представлена фауна птиц, а в реке Пскем и ее притоках в первоначальном виде обитает уникальная, высокоэндемичная фауна рыб.

Как заинтересовать в том же самом местное население? Программой малых грантов. Предполагается, что местное население будет активно писать заявки, как снизить антропогенный нажим, получать на реализацию деньги, хорошо и радостно жить. Эта часть проекта, хоть и не безнадежна, но оказалась очень далека от действительности.

Прибыль от экотуров

Слово “грант” населению практически неизвестно — заключила неправительственная организация из Тараза, едва начав свой небольшой проект “Оценка местных потребностей с точки зрения сохранения биоразнообразия” в 20-километровой буферной зоне казахского заповедника Аксу-Джабаглы.

Эта таразская НПО выиграла задание по конкурсу и в процессе работы демонстрировала личным примером, как можно работать и зарабатывать в рамках программы малых грантов. В тридцати селах опросила более тысячи человек. Впрочем, задача была у интервьюеров больше просветительская и обучающая, чем констатирующая. Они объясняли и про биоразнообразие, и про гранты. “Могут быть малые и краткосрочные — до двухсот долларов, среднесрочные в тысячу долларов выдаются на год, долгосрочные — до десяти тысяч — на два года. Гранты можно получить и по линии Всемирного банка, и по линии ТАСИС, ряда других организаций, поддерживающих проект по сохранению биоразнообразия в Западном Тянь-Шане. Но нужно решить, что делать, и написать заявку”.

А в самом деле, что можно придумать в глубинке? С помощью энпэошников местные жители написали 262 заявки. Примерно столько же заявили о желании участвовать в программе в будущем. На большой грант претендентов не оказалось, а вот на средние, да. Предлагают реорганизовать выпасные земли в предгорьях, восстановить лес в коридорах между заповедниками, расчистить родники, восстановить поливную систему, привозить уголь для населения на “бесплатном грузовике”, мини-ГЭС построить, быков хороших завести, а то каждая третья корова — яловая, заменить коз и овец на высокопродуктивных.

Кстати, вот эта последняя идея была с успехом внедрена в Иордании, когда козы объели горы. Закупив высокопродуктивных, удалось сократить стадо. Но в Иордании проект по сохранению биоразнообразия в заповеднике курировала лично королева! Здесь организовали выпуск сувениров и прохладительных напитков. Только их здесь и разрешалось продавать. Король и его свита стали сюда регулярно наезжать, а следом — и многочисленное чиновничество. В общем, деградирующая территория стала центром экотуризма.

Для наших заповедников экотуризм — диковинка, хотя и в наших краях есть где ему поучиться. Скажем, в том же Аксу-Джабаглы. На первый взгляд, глухомань. Полтораста километров от Чимкента. Но за последний год заработал три десятка тысяч долларов. Все начиналось без всяких грантов. Первые экотуристы останавливались в семье местных орнитологов по знакомству, зная их по научным работам. А дальше информация пошла по цепочке: “Есть замечательные заповедник и частная гостиница!” И для семьи бизнес оказался выгодным, и для местных жителей, помогающих обслуживать туристов, и для заповедника. Хороший стимул для сохранения биоразнообразия.

Наталия ШУЛЕПИНА
«Правда Востока», 1.11.2001г. Книга «Несколько сюжетов на фоне маловодья», 2002г. Изд.центр «Янги аср авлоди», Ташкент.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

0 комментариев к материалу «ТРИ СТРАНЫ ДЛЯ АРХАРА, БАРСА и другой заповедной живности»

1. Отличный у Вас Обзор, просто супер, респект, Наталья, буду заходить и знакомиться !

   Ответить

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Репортер.uz

Репортер.uz

Трансграничная Сырдарья. Какая она у Чиназа?

31.08.2026
320 просмотров

Журналистская задача - показать читателям в фоторепортаже Сырдарью и Чирчик. Сейчас, в конце лета 2026 года, они такие.

Репортер.uz

Чарвакское водохранилище в летний зной

06.08.2026
443 просмотров

Чарвакское водохранилище - жемчужина Угам-Чаткальского государственного национального природного парка.

Репортер.uz

Кто велел «арестовать» канал Анхор и какова цена?

24.07.2026
1209 просмотров

Вопросов много. Разве что про финансы нечего гадать. Они из городского бюджета.